

Глава 13. Ночные разговоры

Летние каникулы тянулись уже больше двух недель, но за всё это время Лу Юньпин видел Ли Хуэя всего дважды. Несмотря на отдых, работа по обжарке маньтоу не прекращалась, поэтому оба раза он замечал друга с балкона: Ли Хуэй и Чэнь Кайюй неразлучно входили и выходили из подъезда.

На самом деле почти все эти полмесяца Чэнь Кайюй прожил у Ли Хуэя. Ли Пин давно знала, что у сына есть такой замечательный старший товарищ. Видя, что Кайюй ведёт себя рассудительно, и услышав, что тот уже поступил в Сухопутную академию, она только радовалась их дружбе.

Кайюй время от времени для вида листал учебники Сяо Хуэя и нарочито громко произносил:

— Ну кто так пишет химические уравнения? Простейшая же вещь. Гляди, сейчас покажу, запоминай.

Ли Хуэй, свернувшись калачиком у вентилятора, лишь посмеивался. Кайюй подмигивал ему, и парню приходилось подыгрывать, обращаясь в сторону кухни:

— Хорошо, гэ, научи меня.

Сказав это, он прыснул, вытащил из стакана карандаш и бросил его Кайюю:

— Гэ, пиши прямо в тетрадке.

Кайюй перехватил карандаш. Держал он его не как пишущий инструмент, а скорее как боевой нож.

— Совсем оборзел, малявка? — прошептал он. — Это я для твоей матери стараюсь. Если бы я сам соображал в этой химии, разве довёл бы отца до больницы?

Пока он говорил, он продолжал усердно возить грифелем по черновику, хотя на деле просто рисовал мелких черепашек. Изобразив парочку, Кайюй что-то вспомнил и добавил:

— Слушай, я тут слышал, ты за эти два года знатно заматерел.

Ли Хуэй не ответил. Сидя на краю кровати, он молча ковырял заусенцы. Кайюй поднял голову и в упор уставился на него:

— Говорят, ты брату Сун Гана башку проломил. Это правда?

Ли Хуэй упрямо молчал несколько секунд, но всё же нехотя выдавил:

— Он со своей сворой на моего кореша наехал.

— Из-за того одноклассника, Лу Юньпина?

Сам Кайюй был тем ещё сорвиголовой, но не хотел, чтобы Ли Хуэй ввязывался в криминал. Именно поэтому он когда-то запретил Сяо Хуэю называть себя его братом на улице. Они не раз об этом говорили: Кайюй запрещал ему якшаться с «авторитетами» и уж тем более драться. Но стоило ему вернуться, как слухи о крутом нраве Ли Хуэя сами поползли в уши, заставляя всерьёз беспокоиться.

— Гэ, я не воюю, — тихо буркнул парень.

Кайюй отложил карандаш и скрестил руки на груди.

— А как это называется? Обязательно, чтобы тебя из школы вышвырнули, как меня? С чего это ты вдруг решил за кореша впрягаться? Если он сам вляпался и не может разрулить — значит, поделом ему, пусть огребают. Тебе-то зачем в герои лезть?

— Там и моя вина была, отчасти.

— Это какая же?

Ли Хуэю пришлось вкратце пересказать историю с любовным письмом Ван Синь. Кайюй тут же оживился и принялся расспрашивать о содержании письма. Ли Хуэй, честно говоря, ничего не помнил: он и тогда-то не особо вслушивался, а спустя столько времени и подавно не смог бы пересказать. Поняв, что подробностей не дожждётся, Кайюй встал, осторожно прикрыл дверь и, обернувшись, ехидно ухмыльнулся:

— Ах ты мелкий засранец... Впервые влюбился и от брата скрываешь? Видать, пока к стенке не прижму, признаний не дождусь.

Ли Хуэй попытался забиться в угол кровати, но Кайюй в мгновение ока настиг его. Он принялся нещадно щекотать парня под мышками и в боках. Ли Хуэй был худым, почти не боялся щекотки, но Кайюй обладал недюжинной силой — его хватка была ощутимой и неудобной. Наконец, извернувшись, Ли Хуэй высвободил руки и крепко обхватил Кайюя.

— Гэ, мне не нравятся девчонки.

Смех Кайюя мгновенно стих. Воздух в комнате словно загустел. Несколько минут они просто сидели на кровати в тишине. Кайюю нестерпимо захотелось закурить, но, вспомнив о матери

друга за стеной, он сдержался. Повертев сигарету в пальцах, он убрал её обратно в пачку. Ли Хуэй приподнялся на коленях, обвил шею Кайюя сзади и повторил, вкладывая в слова всё своё упрямство:

— Гэ, мне не нравятся девчонки.

Кайюй погладил его тонкие руки. Слова застряли в горле — не вытолкнуть, не проглотить. Не дождавшись ответа, Ли Хуэй заглянул ему в лицо. Он пристально смотрел на Кайюя своими тёмными, почти чёрными глазами. Прошло немало времени, прежде чем тот наконец произнёс:

— Я знаю, Сяо Хуэй. Я всё знаю.

— Что именно ты знаешь?

Кайюй резко притянул его к себе и стиснул в объятиях. Ли Хуэй покорно закрыл глаза, но мимолётный поцелуй коснулся лишь переносицы.

От этого едва заметного прикосновения дыхание Кайюя участилось.

— Я знаю, что я тебе нравлюсь. Но ты ещё слишком мал.

Ли Хуэй крепче вцепился в его шею:

— Ты всего на четыре года старше.

— Тебе ещё восемнадцати нет!

— В следующем году будет!

Кайюй отстранил его и усадил к себе на колени, как ребёнка, закрыв ладонью эти сияющие чёрные глаза. У него с самого начала была масса возможностей зайти гораздо дальше. Тогда он и сам был дерзким пацаном, привыкшим действовать грубо и просто: захотел — сделал, веря, что никто в мире ему не указ. Но стоило ему однажды прижать Сяо Хуэя к стене в подворотне и беспорядочно изцеловать, как вся решимость испарилась. Он обожал глаза Ли Хуэя, но их же и боялся больше всего на свете. Под этим взглядом Кайюй чувствовал себя грязным, и в то же время внутри всё вскипало, требуя осквернить эту чистоту, чтобы наконец утолить жажду.

Кайюй так и не нашёл выхода из этого тупика. Поэтому он просто признал его братом, окружил заботой и любовью, решив «вырастить» его, прежде чем наберётся смелости по-настоящему сорвать этот плод.

Сидя на коленях Кайюя, Ли Хуэй чувствовал, как сильно возмужал его Сяо Юй-гэ. Тогда, увидев, как Кайюй одним ударом вдребезги разносит экран игрового автомата, он влюбился окончательно и бесповоротно. Чэнь Кайюй был легендой восточных окраин, о его подвигах среди школьников ходили целые саги — эдакий местный Чэнь Хаонань из фильмов про триады. Это обожание заставляло Ли Хуэя идти на всё. И хотя он понимал, что когда тебя целует парень — это «неправильно», в случае с Кайюем все законы логики отступали. Он хотел, чтобы Сяо Юй-гэ обнимал его, целовал, он любил каждое его мимолётное движение. Но Сяо Юй-гэ никогда не говорил, что любит его. Ли Хуэй томился в роли «младшего брата», сгорая от горько-сладкой муки.

Едва они закончили ужинать, как в дверь постучали. Это был Лу Юньпин, а за его спиной маячил Ли Ши. Пока они перекидывались шутками в коридоре, к ним вышел Кайюй. Ли Ши и Ли Хуэй смеялись, но Лу Юньпин выглядел мрачнее тучи. Увидев своего кумира, Ши-тоу пришёл в неопишуемый восторг:

— Сяо Юй-гэ! Пойдём вечером в Ред Алерт зарубимся?

Кайюй стряхнул капли воды с рук.

— Не, сегодня не выйдет. Ко мне сослуживцы заглянут, надо посидеть.

Он привычным жестом по-хозяйски обнял Ли Хуэя за плечо.

— Сяо Хуэй пойдёт со мной.

Лу Юньпин не сводил глаз с Кайюя. Заметив, как тот приобнимает друга, он помрачнел ещё сильнее и отрывисто бросил:

— Тогда забей.

Ли Ши ещё пытался настоять, но Лу Юньпин уже тащил его за собой к лестнице. Даже когда дверь закрылась, снизу доносился голос Ши-тоу:

— Сяо Юй-гэ, ну когда время будет, давай скрестим шпаги... Ай! Пин-цзы, не тяни меня! Тапка слетела! Тапка, говорю!

Ли Хуэй не сдержал смешка:

— Ши-тоу от тебя просто без ума.

Ли Пин, сидевшая в гостиной, крикнула:

— Это Пин-цзы приходил?

— Ага, звал погулять, но я отказался, — отозвался сын.

— И чего этот ребёнок совсем перестал к нам заходить?

— Так он матери помогает, маньтоу жарит целыми днями.

— Точно. Я сегодня как раз капусту отличную потушила, занеси завтра Пин-цзы немного.

Пока Ли Хуэй соглашался, он внимательно наблюдал за лицом Кайюя.

— Ты чего?

Когда они вернулись в спальню, Кайюй понизил голос:

— У тебя с этим Лу Юньпином реально всё так серьёзно?

— Ну да, мы друзья.

— Должно быть, очень близкие, раз ты за него под танки бросаешься. Сун Ган — отбитый наглухо, не лезь в его дела.

— Гэ, я же говорю, там и мой интерес был. К тому же, я его не боюсь.

Кайюй в сердцах отвесил ему щелбан.

— Знаю я, что ты не боишься. Ты ж у нас теперь Ли-гэ, гроза района. Кого тебе бояться?

Ли Хуэй вдруг обхватил его за талию:

— Гэ, ты злишься?

Кайюй тут же растерял весь свой грозный пыл. Его нравоучительная тирада превратилась в ворчание заботливой мамы:

— Сяо Хуэй, раз уж ты решил доучиваться в школе, так учись спокойно. Не ищи приключений. Закончишь — а там делай что хочешь, я во всём помогу.

Ли Хуэй поднял голову, и в его голосе промелькнул скрытый смысл:

— Что угодно можно будет?

Кайюй только вздохнул. Совсем ещё ребёнок, пару раз подрался и возомнил себя непобедимым.

— Не паясничай. Знаешь, почему Сун Ган тебя до сих пор не тронул? Потому что он тогда парня до инвалидности избил и в бегах был. Только когда его семья деньгами всё замяла, он решил в Сицзин вернуться. Мне сразу доложили, как он объявился. Так что поумерь пыл, нечего в этой грязи ковыряться.

Ли Хуэй промолчал, но по лицу было видно — упрямится. Кайюй почувствовал, что воспитание подростка выпивает из него все соки.

— Сейчас всё иначе. У меня скоро сборы начнутся. Формально я буду здесь, но свободы — ноль, что в городе, что на Тибете. Случись что с тобой, я просто не смогу прийти на помощь.

Ли Хуэй уткнулся лицом в шею Кайюя. Дыхание парня смешивалось с запахом пота на коже мужчины. Он вспомнил, как Кайюя насильно увозили в Голмуд, как он несколько дней дежурил на вокзале, чтобы хоть мельком увидеть его. Увидел, но поговорить не дали — семья уже запихнула Кайюя в вагон. Когда он купил перронный билет и добежал до путей, поезд уже тронулся. Ли Хуэй бежал за составом до самого края платформы... Впервые тогда узнал, каково это, когда сердце рвётся на части. И сейчас, вспоминая об этом, в носу предательски защипало.

— Я же как-то прожил эти годы без тебя, гээ. Я знаю границы.

Они рано умылись и легли. Ли Пин приготовила постель на полу, но это было лишь формальностью: днём матрас сворачивали, и ночью на нём никто ни разу не спал. Они лежали вдвоём на узкой односпальной кровати, обдуваемые старым вентилятором. Лежать на спине было невозможно — места не хватало, так что они устроились лицом друг к другу.

— Когда закончатся сборы?

— Не знаю точно. Месяца три, не меньше.

— А потом будешь свободен?

— Только по выходным, если увольнительную дадут.

— Понятно.

Ли Хуэй с трудом перевернулся на другой бок. Кайюй провёл рукой по его спине, нащупывая выступающие позвонки.

— Сяо Хуэй, я бы тоже хотел быть с тобой каждую минуту. Но пока имеем то, что имеем. Придётся потерпеть.

— Угу.

— И ещё. Держись-ка ты подальше от этого Лу Юньпина.

— Это ещё почему?

— Мне не нравится, как он на тебя смотрит.

Ли Хуэй тихонько усмехнулся. Кайюй сжал его плечо и добавил:

— И на меня он смотрит не лучше. Тогда, в закускойной, он видел, как я тебя за руку держал.

Смех Ли Хуэя тут же оборвался.

— Серьёзно? — Он был удивлён, но, зная свой характер, не особо придал этому значения. — Ну видел и видел, что с того?

— Он тебя ни о чём не спрашивал?

— Нет.

— Обычный человек бы спросил. А если молчит — значит, затаил что-то.

— Ши-тоу тоже не спрашивал.

— Ши-тоу просто дурачок, в хорошем смысле! К тому же он свой, с нами вырос. А этот твой одноклассник — другой случай.

Ли Хуэй долго молчал. Кайюй уже подумал, что тот заснул, но тут раздался тихий голос:

— Гэ, Пин-цзы хороший парень. Он мой кореш.

— Я знаю, что он для тебя кореш. Но вот он для тебя...

Кайюй не хотел договаривать. Во-первых, он не был уверен до конца, а во-вторых, не хотел выглядеть ревнивой бабой. Это было мелко. Он сменил тему:

— В общем, я боюсь, как бы его тёрки с братом Сун Гана на тебя не перекинулись.

— Не перекинутся. Пин-цзы не ищет неприятностей.

Кровать была слишком тесной для рослого Кайюя. Пока они говорили, Ли Хуэй то и дело прижимался к нему. Кайюй чувствовал, как внутри нарастает жар, а ветер от вентилятора казался раскалённым. Он попытался отвлечься, заговорить о чём-то другом, но тщетно. Прежде чем он успел пошевелиться, Ли Хуэй, не оборачиваясь, протянул руку назад и накрыл его ладонь на своей талии.

— Гэ, давай я помогу.

<http://bllate.org/book/17478/1694623>